

ИГОРЬ МОЛотов

ЧЕРНАЯ ДЮЖИНА

ОБЩЕСТВО

СМЕЛЫХ

Игорь Молотов

Черная дюжина. Общество смелых

«Центрполиграф»

2017

УДК 321.022
ББК 66.6

Молотов И.

Черная дюжина. Общество смелых / И. Молотов —
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-06604-6

Почему именно «Память»? Ведь тема, мягко говоря, непопулярная сейчас. Про общество «Память» не снят ни один фильм, его историю не обсуждают Сванидзе с Кургиняном. Но что такое «Память»? Это начало русской национальной мысли. Когда Советский Союз завершал свое существование, а перестройка набирала такую скорость, что становилось ясно: остановить от падения красный состав не удастся, Д. Васильев поднял над страной полуистлевшие в своем золоте знамена монархии и православия. Тем самым дав концепцию и некий ориентир на будущее.

УДК 321.022

ББК 66.6

ISBN 978-5-227-06604-6

© Молотов И., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Памятуй!	6
Предисловие	9
Глава 1. Черные рубашки любителей истории	13
Глава 2. Дмитрий Васильев. Воевода	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игорь Молотов

Черная дюжина. Общество смелых

© И. Молотов, 2017

© «Центрполиграф», 2017

© ИТАР-ТАСС, 2017

КНИГА О ПАМЯТНИКАХ

Игорь Молотов написал умное исследование об обществе «Память» и о его активистах-«памятниках».

Написано хорошо, легко. Правда, не соответствует моей нацбольской идеологии, но все равно – близкие люди.

Самого главного «памятника» Дим Димыча я не знал, знаком не был, не случилось. Но вот знаменитых выходцев из «Памяти» – Сашу Баркашова, которым пугали в 90-х либеральных младенцев, и чуть менее знаменитого Николая Лысенко – я знал неплохо.

Поэтому, – свидетельствую, – с подлинным верно. Молотову можно верить, всех правильно живописал и разобрался в той, теперь уже прошлой, политической жизни правильно.

Нужная книга, которую мы все ждали.

Эдуард Лимонов

* * *

Думаю, что очень мистично, что сейчас, по прошествии десятка лет преставления Дмитрия Васильева, выходит книга о нем, о «Памяти», о всех нас. Наверное, потому, что приближаются времена, которых мы очень ждали, хотели и приближали, чем могли, отдавая все свои силы и энергию, чтобы увидеть очищение и возрождение России, русского народа.

Именно «Память» и Дмитрий Васильев стали тем мощным тараном, который уже тогда, явочным порядком заявил о Русском Народе, о нашей Вере и о том, к чему стремимся. И безусловно, что «Память» заложила многие тенденции сегодняшнего дня, с которыми против своей воли считаются и враги России, как внешние, так и внутренние.

И если эта книга, память о «Памяти», выходит сегодня, то это прошлое, которое готово ворваться в сегодняшний день. Значит, время пришло. И огромная благодарность автору, Игорю Молотову, которого знаю лично, за то, что он написал эту книгу. Это не только память о Васильеве, это возвращение того духа, о котором даже враги говорили с придыханием – ФЕНОМЕН «ПАМЯТИ».

Александр Баркашов, лидер РНЕ

Памятуй! Слово об авторе и его книге

– Старик, ты где?
– Говорят, уже в Интерполе...
– Салман, готовлю к изданию книгу о Дмитрие Васильеве. Жду твоего предисловия.
Будет?

I

Это Молотов коротко и четко, как всегда, без апелляций, под стук сапог, ворвался с очередным своим поворотом вопреки, спустя год или более того, как нас разметали вихри меняющейся страны. Я колесил где-то на Ближнем Востоке и уже не припомню обстоятельств, при которых получил это сообщение, и под светом чьего неба. Игорь способен настигать адресата с той же долей вероятности в тегеранской кальянной, что и на лунной дорожке Босфора или у повстанцев Идлиба. Вроде бы мы тогда прорабатывали сценарии *coup d'etat* в одной среднеазиатской республике, и я был сосредоточен на вещах, к исторической публицистике отношения не имеющих. Как вдруг сигнал от Молотова!

И почему я опять не удивлен?

Только неудержимый Прометей позднесоветского фашизма и первый его хроникер мог предложить мне, беглому русскому исламисту, написать вводное слово к своему триптиху. О Дим Димыче. О православной «Памяти». О колыбели нашей Правой, из которой на вольные хлеба ступил русский национализм, такой эклектичный и несуразный тогда и такой разный, доктринально оформившийся в бесчисленных кружках и маргинальных партиях, размежеванный, рассредоточенный теперь.

И я согласился, оценив безбашенность предложения и предлагающего. Ведь мы оба поэты, соавторы и, в конце концов, старые приятели: разыскиваемый империей адвокат террора и шансонье террора империи, лихач народничества-самодержавия и авантюрист национал-анархизма. Мы даже, наверное, оказавшиеся во всем по разные стороны баррикад друзья.

Но это больше слово о самом авторе, чем о его книге.

II

О НПФ «Память» не написано доселе ничего и никем. Поразительная какая-то нечестность, *забывчивое свойство памяти*. Кузница кадров, выпестовавшая готовую армию фюреров (один Баркашов времен цветения РНЕ чего стоил), словно оказалась – по необъявленному сговору? – бойкотированной молчанием. Выпорхнувшие из-под крыла Васильева птенцы не удосужились взять на себя труд составить подробную биографию движения. Да ладно подробную – хотя бы книгу-эссе о воеводе. А между прочим, даже в негритянском Гарлеме лидеры черного супремасизма знают простую мудрость: Know your roots! – «Памятуй о корнях своих». И бережно относятся к сохранению наследия предтеч: М. Гарви, Дрю Али, М. Икса, Х. Ньютона и прочих, какими бы гетеродоксами изо дня сегодняшнего те им ни казались. Что называется: ступай и сравнивай, гринго.

Что же случилось с нашей Правой, что поколение ветеранов ограничилось дежурными, пусть по большей части и вежливыми, ностальгическими комментариями об «эпохе Дим Димыча», о «заре волнительного часа»? И что до сих пор не появилось хотя бы полноценных мемуаров о нем от бывших соратников, товарищей, предателей. Весь объем произнесенного и

написанного о НПФ – газетные вырезки, упоминания в пожухлых дайджестах да запылившиеся интервью. Выходит так, что крестный отец народного патриотизма зародившейся (и зарождавшейся на его веку) Новой России уже не есть фигура речи, но остается *фигурой молчания*. Отчего так?

Возможно, оттого, что Россия Дмитрия Васильева закончилась тогда же, когда закатное марево объяло и «Русское национальное единство», и Национально-республиканскую партию, и других выпускников «Памяти». Эта Россия свободного шатания и брожения, задорного упоения смелостью всесмещения политических идей быстро подходила к концу. Кончался русский день. А вместе с ним, возможно, в подполье Домов культуры возвращались странные, немножко смешные герои. Первые русские националисты, провинившиеся перед лицом истории, упустившие свой шанс.

О чем *вспоминать* им, говоря о *памяти* («Памяти»!)? О позоре и унынии провалившихся надежд? Об организационной непрочности и незрелости русского национально-патриотического чувства в 90-х? О блеклости фантомов правого поля, возникших из яркого, но угасающего хвоста кометы Дим Димыча? О перебрасывании ответственности друг на друга?

Но то было первое поколение. Какое уж было.

III

Оно должно было смениться. Смениться другими людьми, даже задувшими откуда-нибудь неожиданными циклонами. В авторских пролегоменах к своей книге Молотов, писатель с волчьей интуицией, верно называет *суть времени*: Новая Россия началась там, не в Москве, но в Новороссии. И это одна из баррикад, по обе стороны которой мы встретились: с разными представлениями о Другорусье и том, где оно начинается.

Но, как бы оно ни было, не случайно, что именно сейчас, когда ребром поставлен вопрос о перезагрузке правого движения (точнее сказать – векторов, движений), Игорь – публицист и журналист, преданный дробовику не меньше, чем чернильнице, – берется за тему «Памяти», а в ее лице – за вспарывание грунтов той, так и не удавшейся первой Русской весны. Новороссия, на которую у людей моего круга заведено смотреть как на лубок, есть на самом деле серьезный феномен социальной антропологии: полупотусторонний мир хаотически циркулирующих настроений, интуиций и страстей военно-полевого закипания *русского психо*. В былые годы, по-своему, со своими значениями, такие минерально присущие русскому миру необъятность, пеструю космологию политогем генерировали нацболы Лимонова, а до него, на фланге правого популизма, – разношерстный и разноидейный состав «Памяти».

Теперь эта злободневная Новороссия, технически исполненная как махновщина, вольница чистой воды, за ней стоит покушение на воссоединение с Империей, о которой так грезил Васильев и замыслу которой был предан. И опять, как тогда, на стыке 80-х и 90-х, в ходу оказываются самые несовместимые, парадоксальные версии *русского ответа*. Весь этот весенний задор пронизан темами и топиками, которые обнаруживались у НПФ уже давным-давно. И сейчас бы Дим Димыч мог командовать какими-нибудь казаками, вести их по Днепру, проповедовать черносотенный монархизм на берегах Тавриды. Но не суждено было.

Его время ушло тогда, чтобы вернуться сейчас. Скорее всего, Небесная Канцелярия требовала смены поколений, чтобы на смену тем, кто начинал в «Памяти», пришли свежие и непредвзятые люди, подобные молодым протуберанцам. Такие как Молотов, чьи годы юности пришлись на закат описываемого в книге движения, когда уже можно было выбирать из целой линейки, каким фашистом быть, а каким – нет. Ибо при Дим Димыче иного фашизма, кроме его, и быть не могло (перефразируя Дали, он мог бы сказать: «Русский фашизм – это я!»). И эти молодые люди начали бы *вспоминать*, откуда они есть, из каких истоков.

Но полно, и так слишком много употреблено глаголов в прошедшем времени. Начинать читать эту книгу и думать о будущем русского дня. Для тебя, читатель, отсюда, с высоты этого поколения вспоминающих, Молотов делает что-то по существу, напоминая обществу беспамятных об Обществе «Память».

Именно этому посвящена его трилогия – *напоминанию*. Книга моего друга. Оппонента. Беспокойного инсургента и архивариуса с сердцем искателя приключений...

Салман Север

Косово, февраль 2015

Предисловие

*Мое дело продолжат дети и внуки. Они отомстят за меня.
Не приведи Господь разбудить гнев моих внуков. Если мои ученики
поднимутся, тогда берегитесь. Я воспитал столько, что вам и не
приснится. Поэтому дело сегодня уже не во мне. Зерна посеяны.*

Д. Васильев

Больше года назад я начал работу над книгой, посвященной Национально-патриотическому фронту «Память». Нельзя сказать, что процесс шел легко. Все материалы, все публикации, которые выходили в СМИ, а их в то время было немало, оказались в своей большей части недоступны. Как и видеоматериалы. Ответ кроется в двух причинах – отсутствие оцифрованного материала и потеря интереса к фронту. Кроме того, после смерти воеводы Дмитрия Дмитриевича Васильева весь огромный архив, накопленный со времен становления «Памяти» в 80-х годах, был безвозвратно и почти в полном объеме утерян. Те, кто входил в штаб «Памяти», близкий круг Дмитрия Васильева, отошли от политики (а кто и от жизни). Один живет в деревне, второй – помощник сербского президента Томислава Николича.

Тем не менее мне удалось разыскать их, и каждый из них рассказал свою версию истории первой националистической организации «Память». Удалось встретиться с людьми, которые начинали свою политическую карьеру вместе с Васильевым. Самый одиозный из них – бесценный лидер «Русского национального единства» Александр Баркашов. Баркашов вот уже много лет не давал интервью, но для того, чтобы пролить свет на историю движения, он дал свое согласие.

Мне часто задавали вопрос: почему именно «Память»? Ведь тема, мягко говоря, непопулярная сейчас. Возможно, они и правы: про общество «Память» не снят ни один фильм на НТВ, не печатаются интервью с Васильевым в «Роллинг стоунз», их историю не обсуждают Сванидзе с Кургияном. Но что такое «Память»? Это начало русской национальной мысли. Когда Советский Союз завершал свое существование, а перестройка набирала такую скорость, что становилось ясно: остановить от падения красный состав не удастся, Васильев поднял над страной полуистлевшие в своем золоте знамена монархии и православия. Тем самым дав концепцию и некий ориентир на будущее. Зерна, которые сеял Дим Димыч (как его любили называть), сейчас всходят в Крыму. А это важнее упоминания на НТВ. Это – начало нового российского государства. Ведь, по сути, никто ничего не дал – на улицах была или оголтелая демшиза, или коммунисты. «Память» заполнила идеологический и духовный вакуум. Таким образом, всестороннее изучение такого феномена, как «Память», необходимо для понимания политических процессов в современной России.

Можно отмахиваться, но именно «Память» стала кузницей руководящих кадров для ведущих патриотических организаций (РНЕ, «Черная сотня»), что свидетельствует об уровне ее идеологической базы. Об этом же свидетельствуют формы ее деятельности: просветительские вечера, передачи одноименной радиостанции, историко-духовные семинары. И конечно же в этой связи надо отметить газету-альманах «Память», поистине неисчерпаемый источник знаний о русской истории и событиях национально-патриотического движения.

Про «Память» и его лидера воеводу Дмитрия Васильева придумано множество страшилок. Он и антисемит, и погромщик, и террорист, которым пугали евреев и просто обывателей. Дим Димыч и сам любил эпатировать журналистов хлесткими высказываниями:

«Однако я люблю черное движение, поскольку это движение народа. Только безграмотный человек боится слова «черносотенцы», думая, что это какие-то погромщики. Нет, черная сотня – народное ополчение, возглавляемое воинами, монахами-чернецами. Когда князь

дружины не справлялась с врагом, то в бой вступала черная сотня и побеждала. Поэтому для меня это самое почетное название. Как и слово «фашист». Я люблю это слово – связка, единство, пучок. Я – фашист, русский фашист, ничего страшного в этом нет. Если хотите, я монархофашист, соединение нации во имя монархии – это прекрасно».

И тут же отмечал: «Но не нацист, не национал-социалист, это уже сфера коммунистической идеологии».

Это касалось и так называемого «еврейского вопроса». Воевода четко разделял этническое еврейство и политический сионизм.

«К слову, уточню: я антисемитом себя не считаю. Я люблю арабов, у меня масса друзей среди них, вон видите, они прислали мне свой платок. Арабы – основная семитская группа, как же я могу быть антисемитом? Да, антисионист я крутой. Причем с детства, с младых ногтей. Сионизм – это идеология, а не национальный признак. Носителями этой идеологии являются не одни евреи. Но все вместе они выполняют миссию сионистских центров по разрушению цивилизации. Когда говорят, что сионизм – это патриотизм еврейского народа, не верьте. Чуть для безграмотных и серых. Я достаточно серьезно изучал сионизм и могу сказать, что это самая человеконенавистническая идеология в мире. Следствием сионизма явился – да, да, может, это и абсурдно звучит – Третий рейх. Поскольку в христианском народе теории богоизбраннической концепции расового превосходства родиться не могло», – отмечал Васильев.

Многое из того, что сейчас приписывается «Памяти», вышло из-под пера алчущих сенсаций журналистов. Были и провокаторы – КГБ, в свое время, раскол фронта на полдюжины организаций. Будучи малочисленными, они не представляли какой-либо политической силы, но были спойлерами васильевской «Памяти». Самой известной фигурой стал Константин Смирнов-Осташвили, устроивший погром в ЦДЛ и погибший при загадочных обстоятельствах в тюрьме. Об этих группах и кружках вы узнаете в одной из глав.

Перед тем как начать читать книгу, стоит ознакомиться с исторической справкой о фронте с кратким изложением основных хронологических событий в истории «Памяти».

Как общественная организация «Память» возникла в Москве в конце 70-х. Первоначально позиционировалось как любительское историко-культурное объединение общественных активистов из городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры. Свое название взяла от известного романа-эссе Владимира Чивилихина.

В 1986 году, когда председателем стал Дмитрий Дмитриевич Васильев, «Память» превратилась в организацию, претендующую на роль главного идеолога зарождающегося русского националистического движения. В мае 1987 года активисты общества провели на Манежной площади в Москве один из первых неформальных митингов протеста против «угнетения русского народа», где участники митинга даже добились встречи с тогдашним первым секретарем Московского горкома КПСС Борисом Ельциным, который внимательно их выслушал и обещал учесть их пожелания. Это событие стало прорывом для национально-патриотического движения. Следует отметить, что Ельцин обещания не выполнит.

Рост рядов «Памяти» сопровождался усилением спецслужб. В 1987–1989 годах им удалось расколоть «Память» на несколько групп, общим у которых была только вера в существование всемирного сионо-масонского заговора и название. К началу 90-х годов XX века действовало несколько организаций, носящих это название: Национально-патриотический фронт «Память» Дмитрия Васильева, Национально-патриотический фронт «Память» Николая Филимонова – И. Кварталова, Православный национальный патриотический фронт «Память» Кулакова – Сергея Воротынцева, Русский народно-демократический фронт – Движение «Память» Игоря Сычева, Союз за национально-пропорциональное представительство «Память» Константина Смирнова-Осташвили, Всемирный антисионистский и антимаасонский фронт «Память» Валерия Емельянова, Координационный совет патриотического движения «Память» братьев Вячеслава и Евгения Поповых, Русское собрание «Память» Игоря Щеглова.

Кроме того, в 1990 году путем откола от НПФ «Память» Дмитрия Васильева были образованы Республиканская народная партия России будущего депутата Госдумы Николая Лысенко, «Русское национальное единство» Александра Баркашова и Национал-социальный союз Виктора Якушева.

18 января 1990 года в ЦДЛ «Память» Смирнова-Осташвили выступила против членов общества «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки»). Тогда был избит литератор Анатолий Курчаткин. Необходимо сказать, что Дмитрий Васильев осудил выходку Осташвили.

После августа 1991 года удалось разоблачить и подавить различные ответвления «Памяти», и фактически они все перестали существовать. Осенью 1992 года НПФ «Память» привлек к себе внимание скандалом в редакции газеты «Московский комсомолец», куда активисты НПФ ворвались с целью «предупредить» руководство издания о возможных последствиях выступлений против «Памяти». Один из организаторов акции Н. Детков был привлечен за это к уголовной ответственности.

В событиях сентября-октября 1993 года официально «Память» участия не принимала, высказав при этом поддержку действиям Бориса Ельцина по роспуску парламента. Это сыграло плохую шутку с ними, так как многие сторонники так и не поняли замысла Дим Димыча. Позиция фронта была такова: пусть будет хоть плохая, но центральная власть, чем большевистская анархия депутатов Дома Советов. Тем не менее в защите Дома Советов приняли участие, разумеется негласно, бойцы «Памяти», там, например, был убит брат Александра Белова (Поткина) – Олег Адамлюк. Подробнее о тех трагических событиях вы узнаете дальше.

В феврале 1994 года НПФ «Память» совместно с центристским блоком политических партий и общественных движений Российским консервативным союзом, движением «Русь державная», Инновационным социологическим центром учредил Движение национального возрождения России, целями которого были объявлены возрождение в России триединства Бога, царя и нации и восстановление основ Российской державы на сословных принципах. Председателем ДНВР стал Дмитрий Васильев.

Прошедший 13–14 декабря 1994 года II всероссийский съезд НПФ «Память» поддержал ввод федеральных войск в Чечню, одновременно осудив телевидение за антинародную, антипатриотическую деятельность. И действительно, именно тогда произошли братания отечественных либералов с чеченскими бандитами, и все это оформилось в преступный интернационал. Сейчас мы продолжаем видеть всходы ростков, посаженных в 90-х.

31 июля 1995 года НПФ «Память» получил регистрацию в Министерстве юстиции как межрегиональная организация и принял участие в выборах во II Государственную думу.

Во время президентских выборов 1996 года фронт поддерживал Бориса Ельцина, рассматривая усиление его позиций как очередной шаг по пути к реставрации в России самодержавия. Дмитрий Васильев был доверенным лицом Ельцина.

Было и множество смелых проектов. Например, в течение 1996–1998 годов НПФ «Память» проводил пикеты с требованием убрать с башен Кремля звезды и вернуть на их место двуглавых орлов.

«Кремль надо освящать. Неделями производить молебны, чтобы всю скверну вычистить. И конечно, надо сбросить с башен эти пентаграммы, эти звезды антихриста по всем учебникам каббалистики. А мавзолей? Капище сатаны с мерзкими отходами. Кладбище от стены надо убирать, там лежат убийцы», – заявлял Дмитрий Васильев.

Каково, а?

Васильева неоднократно хотели убрать еще со времен Советского Союза. Уж очень неуживчивым он был человеком. Обвиняли в сотрудничестве с органами.

«Конечно, меня некоторые величают полковником КГБ. Я всегда обижаюсь: почему не генералом?

Мою мать и жену убили. Это шашни с органами?

Маму медицинским путем убрали. У меня есть доказательства. Спровоцировали insult. Появился врач, который никогда не работал в нашей поликлинике, и сам, без вызова, предложил провести обследование. А я был в командировке. Маме выписали то количество лекарств, которое вызвало излом сосудов.

Жену же просто по голове ударили, она восемь дней в квартире пролежала. И ничего, заметьте, не украли, хотя было что. Могут подsunуть всякие версии, сказки, но я знаю, что произошло. Я просто не могу пока многого сказать», – отмечает Васильев.

Воеводе жгли квартиру, подложив термическое вещество. И даже подкарауливали у подъезда с ножом, пытались воткнуть его в горло.

С деятельностью «Памяти» связана еще одна трагедия: убийство друга Васильева известного музыканта Игоря Талькова. Это дело до сих пор не раскрыто и опутано домыслами и разными версиями.

Нельзя не упомянуть об идеологической составляющей фронта и об отношении к так называемым «легитимистам»-монархистам, выступающим за кирилловскую ветвь Дома Романовых. Выступая за установление в стране самодержавного строя, НПФ «Память» отказывает потомкам династии Романовых в праве на российский престол, считая, что нового монарха должен «призвать» сам народ на созванном специально для этого Земском собрании.

Также было резко негативное отношение к национал-социализму, нацизму. На II съезде фронта в декабре 1994 года лидер «Памяти» Дмитрий Васильев осудил не только демократическую, но и национал-социалистическую идеологию как происходящие от идеологии социал-демократической.

«Мы не нацисты и не экстремисты, мы – убежденные сторонники самодержавия, наш идеал – Русь в виде православного царства».

Кроме того, Дмитрий Васильев настаивал на развитии сельского хозяйства, фермерства и работ на земле. Он даже стал первым в стране, зарегистрировавшим сельскохозяйственный кооператив «Теремок».

Смерть воеводы, как и его жизнь, оставила больше вопросов, чем ответов. Как утверждают в его близком окружении, Васильев был специально заражен в конце 80-х годов. Это подтверждает и нынешний председатель Национально-патриотического фронта «Память» Николай Скородумов. Я нашел предполагаемого убийцу Дмитрия Васильева. Об этом вы сможете узнать в книге.

Здесь я постараюсь представить вам первое исследование феномена «Память». Именно так вышло, что тема получилась непростая. И это только мягко говоря. Все-таки мы говорим о патриархе русского фашизма и его паладинах. Груз ответственности лег максимальный.

Отдельно хотел бы поблагодарить людей, без которых книга была бы невозможна:

Владимира Басманова, Александра Белова, Николая Скородумова и Александра Баркашова.

За моральную поддержку благодарю Зину Джиеову, Сергея Беляка, Дмитрия Демушкина и Сергея Аксенова.

Книга «Черная дюжина. Общество смелых» издается по благословию священника Русской православной церкви, иеромонаха Никона.

Глава 1. Черные рубашки любителей истории

«Память» возникла в конце 70-х – начале 80-х годов на основе Московского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), прежде всего молодежного творческого объединения под руководством Э. Дьяконова и общества книголюбов Министерства авиационной промышленности Г. Фрыгина.

В своей книге «Русское сопротивление на войне с антихристом» Олег Платонов пишет: «После смерти Брежнева русское движение входит в новую фазу. Качественно меняется сам тип русского патриота. Привыкший за годы советской власти скрывать свои патриотические убеждения, он перестает бояться высказывать их. Впервые за многие десятилетия русские начинают объединяться, сначала для защиты своих святынь, а затем и против своих внутренних врагов. Начавшись с маленьких ручейков, русское движение постепенно превращается в полноводную реку. Конечно, поживи Андропов больше, он несомненно постарался бы раздвить русское движение. Но его преемник Черненко, продолжая политику Брежнева на умиротворение противостоящих сил, тем самым дал патриотам время организовать. Именно за эти три года от Андропова до прихода Горбачева русское движение приобретает новое качество, выразившееся в создании патриотической организации «Память».

Именно из этих активистов сложилась группа энтузиастов, назвавших себя «Витязями», составившая будущее ядро объединения «Память». До этого они в течение нескольких лет встречались на субботниках по восстановлению памятников истории и культуры под эгидой ВООПИК. Главной целью группы «Витязи» было достойно отпраздновать 600-летие Куликовской битвы. Идею названия «Витязи» подал скульптор Б. Строганов. Актив группы составили ответственный секретарь МГО ВООПИК Э. Дьяконов (фактический руководитель «Витязей»), сотрудник архитектурной секции МГО ВООПИК Г. Сальников, слушатель Высшей партшколы ЦК КПСС С. К. Смирнов, слесарь завода «Союз» К. Андреев, заместитель директора конструкторского бюро АСУ А. Гладков, постовой милиционер гостиницы «Россия» В. Скрипник и др. Впоследствии именно эти люди составили первый совет «Памяти». Кроме регулярных субботников по восстановлению памятников, члены группы совершали совместные походы и поездки по историческим местам и к православным святыням. Среди членов группы распространялись книги русских философов, историков и мыслителей, самиздатовская литература и журнал «Вече».

Члены группы участвовали также в работе молодежного творческого объединения при МГО ВООПИК, заседавшего на ул. Разина под колокольней Знаменского монастыря. Обсуждение стихов и прозы русских писателей на этих заседаниях часто перерастало в доклады и споры о судьбе России. Духовными наставниками объединения были Н. Рубцов, С. Куняев, Ю. Кузнецов, Д. Жуков, О. Волков. На заседаниях выступали такие ученые, архитекторы, писатели, художники, как И. Кобзев, О. Михайлов, О. Журин, В. Виноградов и др.

«Витязи» принимали активное участие и в работе общества книголюбов, которое совместно с МГО ВООПИК устраивало встречи с патриотически ориентированными деятелями русской культуры. Встречи эти чаще всего проходили в музее им. Н. Островского (в «салоне Зинаиды Волконской»), а также в ДК Метростроя, ДК им. Чкалова, ДК им. Горбунова, ведомственных Домах культуры Минавиапрома, сотрудником которого был Г. И. Фрыгин.

Олег Платонов продолжает: «16 апреля 1980 г. в Центральном лектории Политехнического музея произошло важнейшее патриотическое событие: состоялся торжественный вечер, посвященный 600-летию Куликовской битвы. Зал был переполнен. Люди стояли в проходах. В зале присутствовали практически все, кто впоследствии вошел в Совет и актив объединения «Память». Выступали художники И. Глазунов, И. Комов, писатели В. Чивилихин, Д. Жуков, Ю. Селезнев, поэты Ю. Кузнецов и А. Марков, космонавт В. Севастьянов, музыканты Ю. Дунаев

и В. Кобзев. Все они составляли цвет русского патриотического движения того времени. Вечер прошел в духе восторженного единения русских людей. На этом вечере я был с женой. Помню чувство необыкновенного воодушевления, охватившего всех присутствующих. Выступавшим передалась энергия восторга, переполнявшая зал. Выступления были блестящие. Поражала невиданная ранее откровенность, некоторые (Жуков и Кобзев) даже затронули проблему сионизма. Все понимали, что, говоря о событиях 600-летней давности, докладчики подразумевали и современное положение русского народа».

Один из участников Ф. Шипунов рассказывал впоследствии, что, вернувшись с этого вечера, произнес знаменательную фразу: «Вот так бы и нам, как наши предки сбросили татарское иго, нам бы сбросить иго иудейско-масонское».

Вторая половина 1980 и 1981 года проходит под знаком брожения и собирания сил. Вечера и встречи, проводимые бывшими «Витязями», активистами ВООПИК и общества книголюбов, становятся все острее и напряженнее. На них ставятся все более серьезные вопросы. Примерно с 1981 года власти запрещают встречи под колокольной Знаменского монастыря. Однако движение было уже невозможно остановить. Создавалось совершенно новое по качеству патриотическое объединение. Критическая масса была, по-видимому, достигнута 17 июня 1982 года на вечере, посвященном 170-летию Бородинской битвы. Несмотря на то что он состоялся в небольшом зале, его эффект для будущего актива «Памяти» был не меньшим, чем эффект от вечера, посвященного Куликовской битве. В июне-октябре 1983 года прошла целая серия вечеров, на которых выступали Д. Жуков, В. Крупин, С. Куняев и В. Сорокин.

Организуя первые вечера, субботники и походы по историческим местам, будущее патриотическое объединение «Память» не имело названия. Собственно рождение названия «Память» произошло в ноябре 1982 года после вечера-размышления по книге В. Чивилихина «Память». Как сообщает первый председатель совета «Памяти» Г. И. Фрыгин, «стали думать о названии», и он предложил назвать объединение «Память». Это всем понравилось. Более того, на этом же собрании приняли решение просить Чивилихина возглавить общество «Память». Однако в связи с болезнью и смертью писателя это решение не было выполнено.

Первоначально «Память» именовалась любительским объединением. До марта 1982 года его главной площадкой был музей им. Н. Островского («салон Зинаиды Волконской»). Здесь «Память» провела не менее 15 вечеров. Однако на встрече с доктором исторических наук Н. Яковлевым наблюдателям из райкома партии не понравилась его резкая критика агента влияния США директора Института США и Канады Г. Арбатова. Критика эта была восторженно поддержана слушателями. Заседания в этом музее на некоторое время прекратились.

Зато у «Памяти» появилось еще несколько площадок: ДК Метростроя, ДК им. Чкалова и ДК им. Горбунова, а также ряд других культурных учреждений. С осени 1983 года «Память» начинает именоваться патриотическим историко-литературным объединением.

В 1983 году в актив объединения «Память», кроме перечисленных выше, вошли эколог, кандидат геолого-минералогических наук Ф. Шипунов, актриса О. Гобзева, преподаватель режиссуры массовых представлений Н. Детков, заведующая политическо-массовым отделом ДК им. Горбунова В. Мотова, преподаватель английского языка Е. Бехтерева.

В 1983 году совет «Памяти» добился официальной регистрации объединения в отделе культуры райкома партии при Дворце культуры им. Горбунова (ставшем известным под названием «Горбушка»), принадлежащем Заводу им. Хруничева. Официальная регистрация давала возможность проводить вечера «Памяти» в одном из самых известных Дворцов культуры, в зале на 1,5 тысячи мест. Но даже такого большого зала порой не хватало, чтобы вместить всех желающих.

Вечера, субботники, походы «Памяти» приобретают широкий размах. Интересы патриотического объединения охватывают все сферы жизни русского народа. В частности, следует напомнить ряд мероприятий для понимания сторон деятельности ранней «Памяти»: 1 июля

1982 года состоялся вечер памяти художника Константина Васильева, 6 сентября – встреча с председателем Русского клуба писателем Д. Жуковым, 14 октября – встреча с писателем В. Крупиным.

18 ноября прошел вечер размышлений по книге В. Чивилихина «Память». Среди выступающих были А. Кузьмин, В. Чалмаев и др. Книга эта стала настольной для русских патриотов. В ней открывалось величие России, ее героев и подвижников. Публикация книги стала важной вехой в возрождении русского национального сознания, пробудив у десятков тысяч русских людей теплые, благодарные чувства к жизни и деяниям своих героических предков. «Память, – писал Чивилихин, – это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшней, без коего дети вырастут слабыми незнайками, не способными достойно, мужественно встретить будущее».

24 ноября состоялась встреча с поэтом Г. Серебряковым, широко известным патриотической общественности по стихотворению «Жида». Разумеется, само слово было закамуфлировано словом «Дрозды»:

Над рябиновым стягом,
Над молчаньем воды
Вновь разбитной ватагой
Закружились дрозды.
Облепили, куражась,
Куст рябиновый весь:
Ненасытная жадность
И завидная спесь...

Такие вечера, весьма знаковые для русской национальной мысли, проходили регулярно.

Вечера «Памяти» будили в сознании многих русских людей теплые, благодарные чувства к жизни и деяниям своих героических предков. «Память» становится одним из важнейших центров пробуждения и развития русского национального сознания. После вечеров «Памяти» русские люди собирались за чаем в своих квартирах, обменивались впечатлениями и редкой литературой. Как ранее в клубе «Родина» и в «Русском клубе», среди членов «Памяти» ходили редкие издания отцов и подвижников церкви, книги по русской философии, антисоциализму, «Протоколы сионских мудрецов».

Среди членов «Памяти» зреет понимание еврейского и масонского вопроса в России, многие негодуют по поводу еврейского засилья в СССР. Все больше и больше членов «Памяти» задают вопрос: как противостоять врагам России, и прежде всего сионизму.

«В феврале 1983 года, – продолжает Платонов, – в «Телешовке» провели вечер – день рождения патриарха русской реставрации П. Барановского. Выступали все его ученики и последователи. Докладчики сообщили не только о научных достижениях Барановского, но впервые публично назвали тех, с кем ему приходилось бороться, отстаивая памятники. Назывались имена разрушителей исторической Москвы в конце 20-х – 30-х годах. Кроме известных имен Троцкого, Кагановича, Хрущева, я впервые услышал имена еврейских руководителей НКВД, лично занимавшихся закрытием и уничтожением храмов и монастырей, составлением списков православных священников, «подлежащих ликвидации».

Художник Розов, зачитавший имена преступников, выдержав паузу, сообщил, что все они по настоянию Сталина были казнены как «враги народа» в конце 30-х годов. Последние слова Розова были приняты бурной овацией. Действия Сталина все присутствующие оценивали как справедливое возмездие.

После вечера мы собрались в кабинете ответственного секретаря ВООПИК, и Розов показал нам то, чего не осмелился показать всем присутствующим на вечере, – книгу о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Зачитал имена еврейских палачей, замучивших там

десятки тысяч русских людей: Френкель Нафтанаил Аронович, Берман Матвей Давидович, Коган и др. Все мы были потрясены услышанным!

Запомнились мне несколько вечеров, так или иначе связанных с масонской темой. Прежде всего, это вечер-встреча в марте 1983 года с доктором исторических наук Н. Яковлевым, впервые в советское время рассказавшим об участии масонов в политической жизни России в начале XX века. Многие из нас знали его книгу «1 августа 1914». Отвечая на многочисленные вопросы, Яковлев поведал нам о том, что не смог написать в книге, – о связи масонов с мировой еврейской закулисой, считающей масонство своим оружием. Яковлев рассказал о видном деятеле еврейской закулисы Пинхусе Моисеевиче Рутенберге, являвшемся одновременно крупным масоном и организатором провокаций против царской власти 9 января 1905 года. Рутенберг стоял за спиной Гапона, призывавшего петербургских рабочих идти к царю. Во время этой встречи еврейские активисты и масоны планировали убийство царя.

На вечере «Русь крылатая» (2 апреля 1983 года) всех поразило сообщение писателя В. Пигалева, доказывавшего, что гибель А. С. Пушкина связана с деятельностью масонов. После встречи Пигалев передал одному из наших активистов ксерокопию книги В. Иванова «Русская интеллигенция и масонство» (Харбин, 1934). В течение недели мы размножили ее и пустили по рукам. В книге Иванова был приведен убедительный исторический материал, позволявший автору сделать вывод, что «история русской интеллигенции за последние 200 лет стала историей масонства». Значительная часть самых известных интеллигентов, оказавших пагубное влияние на судьбу России, принадлежала к этой подрывной организации. Масонство выпестовало в своих ложах почти всех российских революционеров и разрушителей русских устоев. Для нас, членов Общества охраны памятников и «Памяти», из книги Иванова следовал важный практический вывод – о необходимости беспощадного искоренения масонства из русской жизни. Антимасонство так же, как и антисионизм, стали важнейшими составляющими идеологии нашего движения.

Интерес к этой теме среди активистов ВООПИК и «Памяти» был огромен. Кроме перечисленных выше двух вечеров, посвященных масонской теме, только в 1983 году мне известно еще по крайней мере три.

Один из них «Память» провела в ДК им. Чкалова 20 мая. Выступал здесь известный исследователь масонства Владимир Яковлевич Бегун. Чтобы получить его согласие на выступление, активисты «Памяти» организовали его вызов из Минска, где он жил, телеграммой заместителя министра авиационной промышленности. Личность Бегуна вызывала во мне глубокую симпатию, еще больше поражало мужество, с которым он бросал вызов мощным закулисным силам в правящих кругах СССР. Большую часть вечера Бегун рассказывал о главных моментах своей новой, еще не вышедшей в свет, книги «Дети вдовы», раскрывал связь международного сионизма, масонства и «пятой колонны» внутри нашей страны. В одном из ответов на вопрос он намекнул на причастность к масонству умершего в 1982 году члена политбюро М. Суслова, что вызвало замешательство в первых рядах зала, где сидели почетные гости Минавиапрома. Впоследствии я встречал Владимира Яковлевича в узком кругу единомышленников, он рассказывал о непрекращающейся травле, которую вели против него еврейские круги. Внезапная смерть Бегуна в 59 лет вызвала слухи о его убийстве. После его смерти остался незаконченный фундаментальный труд о преступной деятельности мирового масонства.

В июле 1983 года в том же ДК им. Чкалова проходил вечер-встреча с журналистом-международником Владимиром Владимировичем Большаковым, подготовившим ряд трудов о подрывной деятельности сионизма и масонства. На этом вечере один из активистов ВООПИК предложил купить у вдовы собирателя книг о масонстве часть его коллекции. Не дождавшись конца вечера, мы направились к ней. Я не пожалел. Литература по масонской теме в те годы была очень редка. У вдовы я приобрел сочинения Пыпина, Пекарского, Т. Соколовской, значительно пополнившие мои знания о масонстве.

Масонский и еврейский вопрос на вечерах «Памяти» в то время поднимался даже тогда, когда он не касался темы вечера. Помню, сколько вопросов о масонах задавали писателям Д. Жукову и В. Кожинovu на вечере памяти поэта Н. Рубцова. Из зала прислали записку с предложением обратиться к правительству «запретить на территории СССР сионистские и масонские организации, квалифицировать их деятельность по статье «измена Родине». Кожинov, прочитавший эту записку, переждав одобрителные аплодисменты, многозначительно вздохнул...» – вспоминает Платонов.

Магнитофонные записи вечеров «Памяти» попадали в самые отдаленные уголки России: записывали их прямо в зрительном зале и затем передавали своим знакомым по всей стране. (Объединение не имело права иметь денежные средства, а их сбор был запрещен. Поэтому вся деятельность «Памяти», которая требовала огромных затрат сил, времени и личных средств, проводилась совершенно бескорыстно как организаторами мероприятий, так и их участниками.) Таким образом, патриотическое движение набирало силу, вселяя в народ веру в свою правоту, в возможность перемен, придавало ему ощущение единения нации, собственной причастности и ответственности за происходящее, а порой и мужество, необходимое для отстаивания своих идеалов.

Почти все вечера «Памяти» сопровождались выступлениями русских певцов, музыкантов, фольклорных ансамблей, известных артистов. Как вспоминают участники, для времени той интеллектуальной советской изоляции это был настоящий прорыв. У многих не хватало слов описать переполняющие их эмоции.

Но не всем пришлось по душе деятельность «Памяти». В своей книге Платонов вспоминает: «В середине 70-х писатель Шевцов издал вторую книгу своей трилогии «Набат». Она пользовалась большой популярностью в патриотических кругах, так как рассматривала вопросы борьбы с сионизмом. Иван Михайлович рассказывал мне, как всполошились в ЦК, узнав о том, что Шевцов написал новую антисемитскую книгу. Издателям «Современника», куда принес свою рукопись Шевцов, предложили рассыпать набор. Однако издатели Ю. Прокушев и В. Сорокин проявили принципиальность и гражданское мужество, и книга дошла до читателя.

Смелый поступок издателей не прошел безнаказанным. Ю. Прокушев и В. Сорокин лишились постов. Чтобы не привлекать внимания к книге, проеврейская критика решила не поднимать шума, промолчать. Лишь французская газета «Монд» статьей эмигранта Л. Плюща оповестила своих читателей, что «известный антисемит» Шевцов издал в СССР новый антиеврейский роман «Набат».

Несмотря на противодействие, Шевцов продолжал работать над третьей книгой «Набата» «Остров дьявола». Как он мне сам рассказывал, «я решил показать тактику и методы сионистов по захвату власти в разных странах, их неотвратимое шествие к заветной цели – мировому господству еврейства. Я хотел предупредить общественность о смертельной опасности сионизма, о его подрывной деятельности в СССР, готовящей ликвидацию советской власти и установление на всем пространстве России иудо-масонской диктатуры антифашистского толка».

Среди наиболее значительных мероприятий «Памяти», которые повлияли на принятие государственных решений, была постоянная работа по отмене постановления ЦК КПСС о переброске северных рек на юг для орошения земель казахстанских и других засушливых земель в связи с якобы понижающимся уровнем Каспия. Осуществление этого проекта грозило затоплением и полным уничтожением Русского Севера. Ученые – докт. мат. н. С. Лемешев, канд. геол. – мин. н., эколог Ф. Шипунов, канд. геол. – мин. н. С. Чернышов, канд. т. н., специалист по подземным сооружениям докт. т. н. Е. Пашкин, канд. геол. – мин. н. С. Жуков, докт. геол. – мин. н. Е. Подольский, доктор искусствоведения Брюсова – выступали на вечерах «Памяти», при участии организаторов объединения написали десятки писем в Президиум ЦК, обращений и статей, опровергавших научную обоснованность проекта, требуя немедлен-

ной его отмены. В результате осуществление проекта было отложено, а после провала докторской диссертации его вдохновителя («Память» устроила своеобразную демонстрацию протеста, названную сторонниками проекта «десантом», явившись на заседание научного совета в полном составе) проект был окончательно отменен.

«Память» активно способствовала проведению антиалкогольной кампании. На вечере «Трезвые мысли в трезвом кругу» выступили академик Ф. Углов, академик, Герой Социалистического Труда Елизаров, доктор социологии Г. Литвинова, ученый из Новосибирска канд. т. н. Жданов. Приводились ужасающие цифры потерь генофонда русского народа, экономического ущерба, причиненного хозяйству страны в результате злоупотребления алкоголем. Зачитывались полные горя и страданий письма, поступившие в «Память», с мольбами о помощи и требованием к властям способствовать переходу к трезвому образу жизни. 17 мая 1985 года ЦК КПСС принял постановление «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». В нем большое значение придавалось организации досуга молодежи, развитию спорта и туризма, предусматривалось дополнительное финансирование для этих целей. Однако в нем была и строка, предписывающая «к 1988 году полностью прекратить выпуск плодово-ягодных вин», а в отношении производства водки и ликеро-водочных изделий «предусмотреть ежегодное сокращение». В результате, осознанно или нет, вводимые правительством меры доводились до абсурда и приняли столь уродливые формы, что по указанию местных ретивых партийных руководителей на огромных территориях были уничтожены тысячи гектаров виноградников, причем не пожалели даже самые лучшие, уникальные сорта. И хотя антиалкогольная программа, проводимая сверху, полностью провалилась, повсеместно стали организовываться добровольные общественные клубы трезвости, которые сыграли свою большую роль, а в «Память» продолжали поступать письма с благодарностью от людей, которым антиалкогольная программа помогла обрести себя и вернуться к трезвому образу жизни.

Все мероприятия «Памяти» проходили под пристальным вниманием властей. Аудиторию вечеров составляли самые разнообразные слои общества – от рабочих и конструкторов Завода им. Хруничева до сотрудников аппарата ЦК, правоохранительных органов, генералитета, духовенства, представителей всех профессий и всех рангов, коммунистов и беспартийных. Проведение каждого мероприятия не только было связано со всевозможными техническими сложностями, но, самое главное, оно каждый раз было под угрозой запрета на это проведение в самую последнюю минуту. А что означала отмена мероприятия, если его участники приезжали в столицу за свой счет иногда за тысячу километров. Или, например, из деревни под Устюгом, откуда по весне из-за разлива только на вертолете можно было добраться до Вологды, а потом уже в Москву...

Так добирался на вечер «Русская гармонь» лучший гармонист Русского Севера Н. В. Угрюмов, а именно этот вечер отменяли несколько раз, требуя убрать из названия слово «русская». И это все потому, что гармонь для России была не просто национальным музыкальным инструментом, а символом единения, а значит, и мощным оружием, которого так боялись враги русского народа (что, впрочем, подметил еще замечательный русский поэт А. Твардовский).

Фоном всех вечеров «Памяти», какой бы общественный накал они ни несли, всегда были художественные выступления, фольклорные ансамбли, известные артисты (М. Ножкин, О. Гобзева, певица Т. Сеницына). Деятельность патриотического историко-литературного объединения «Память» вспоминается многими его участниками как самый яркий период их жизни, когда благодаря небывалому подъему патриотических чувств в народе, его единению и поддержке можно было не только открыто высказывать свое отношение к происходящему, но и с очевидностью влиять на принятие важных для всего народа решений.

В конце 1984 года из-за болезни Г. Фрыгина председателем совета объединения «Память» становится преподаватель английского языка Е. Бехтерева. Ее пребывание на этом

посту было недолгим. Стремительный водоворот событий, в который была ввергнута Россия, требовал от «Памяти» новых, более решительных действий.

В середине 80-х деятельность «Памяти» выходит на качественно новый этап развития, который был связан с именем Д. Васильева. Деятельность этого человека сыграла большую роль в дальнейшей истории движения.

Васильев впервые пришел в «Память» в 1984 году. В частности, его выставка фоторабот «Образы России» демонстрировалась в фойе ДК им. Горбунова 30 ноября 1984 года во время вечера, посвященного Ф. Тютчеву «...В Россию можно только верить!».

В то время Васильев объявлял себя беспартийным большевиком, а содержание его речей носило преимущественно национал-большевистский характер.

На вопрос об идейной эволюции, приведшей его в «Память», отвечал каламбуром: «Я всегда был в памяти, дело в том, что никогда не являлся кандидатом в дурдом, поэтому память всегда была со мной». Став членом «Памяти», Дмитрий Дмитриевич обнаружил, что «во фронт внедрено много стукачей, провокаторов. Более того, увидел, что этот организм специально создан для дискредитации движения. Пришлось потратить много сил для возрождения и очищения «Памяти».

Дмитрий Васильев вспоминал: «Когда я пришел в «Память», то буквально ошалел, потому что я понял, что это какая-то сомнительная контора, которая создана специально для того, чтобы как бы высвечивать весь патриотический срез. И, как ни странно, не ошибся в своих прогнозах! Тогда у меня была масса друзей еще из прошлого России, что называется, работавшие еще в бывшей русской жандармерии, уже старики глубокие. Они давали мне остаточные знания по всяким таким специальным вопросам... разведки, там, и прочее.

И вот, с этой точки зрения, я имел свое отношение к текущим событиям, а заодно имел и тех людей, которые могли дать мне правильный совет. Я пришел, там ребята из ГРУ были, я пришел к ним и говорю, что вот так и так, у меня сложилось вот такое мнение... Они сказали, что ты должен, кровь из носу, быть в этой организации, потому что иначе будет дискредитировано понятие национального возрождения. Это последний шаг, который евреи делают для того, чтобы все это дискредитировать. В это я как-то тоже не очень поверил, подумав, ну не до такого же все доходит механизма, что буквально все планируется, все регламентируется...

Оказалось, все это, действительно, так, потому что в эту организацию было собрано огромное количество провокаторов. Это все было сделано по приказу тогдашнего 1-го секретаря МГК КПСС Гришина, и задача была одна: собрать всех воедино, в один кулак и прихлопнуть!

И вот я, попав в эту организацию и поняв ее назначение, стал людей убеждать и говорить, кого я видел более или менее приличными: «Не обольщайтесь и не открывайте особо рты, – вокруг вас огромное количество провокаторов, которые призваны для того, чтобы идею превратить в бульварное изложение всех наших взглядов и затем, просто, на уровне разговоров кухни коммунальной квартиры: бей жидов, спасай Россию, все это дело прикрыть». Надо сказать, что нашлась часть достойных людей, думающих, которая меня поддержала. И, двигаясь поэтапно, после ряда других руководителей, я в конце концов возглавил организацию.

Я, естественно, начал организацию чистить. Мне удалось это сделать, чем я вызвал гнев спецслужб, потому что у них сорвался план. Я им не дал повода для ареста ни себя, ни других людей, тщательно оберегал все, что зарождалось. И надо было срочно разворачивать мощную огласку среди людей, потому что иначе мы бы погибли. И я это понимал – мы были совсем одни, и мы бы погибли».

4 октября 1985 года «Память», прославившаяся к тому времени распространением доклада В. Жданова и Ф. Углова об алкоголизации России, провела вечер «Москва, как много в этом звуке...», ознаменовавшийся открытым скандалом. Рассказ об архитектурных утратах Москвы при советской власти, начатый Дмитрием Васильевым (это было его первое публичное

запомнившееся выступление) и геологом Евгением Пашкиным, плавно перешел в нападки на чиновников Главного архитектурного управления Москвы, носящих нерусские фамилии.

Поэт Андрей Чернов, протестовавший против подобного рода выступлений, был выдворен дружинниками «Памяти» из зала и сброшен с лестницы. Эту дату «Память» Васильева отмечает теперь как дату рождения НПФ «Память».

Местью сионистов за откровения этого вечера, по мнению «памятников», стало нападение 25 октября 1985 года на председателя правления «Памяти» Бехтереву. Ее подобрали на улице жестоко избитой, с пробитой головой, после чего она стала инвалидом (пропаганда пыталась объяснить это преступление инцидентом на почве ревности).

В конце 1985 года председателем совета «Памяти» был избран К. Андреев, а Д. Васильев стал секретарем и фактическим руководителем объединения. («... Не может не удивлять, – писал А. Черкизов в «Советской России» 18 июня 1988 года, – поведение коммуниста, председателя московской «Памяти» Кима Андреева, который принял роль услужливого адъютанта при демагоге и авантюристе Васильеве...») После этого часть старых руководителей «Памяти» выходит из организации и образует новые объединения – сначала «Поиск», затем «Русь» (Э. Н. Дьяконов и др.).

8 декабря 1985 года на вечере «Борьба двух миров» Васильев выступил с политической речью. Обвинив сионистов в террористическом акте против Е. Бехтеревой, он впервые прочитал со сцены и прокомментировал выдержки из «Протоколов сионских мудрецов».

Необходимо отметить, что Васильеву организаторы не были рады. Вот как сам он вспоминает те события: «Тогда мы стали проводить второй вечер «Москва, как много в этом звуке...», он опять был провален, т. е. делали все, чтобы зал был пустой.

Тогда я вижу, что мы распространяем 1500 билетов, а приходит 300 человек. Это странно! Я решил взять подготовку вечера в свои руки, дав провокаторам меньшее количество билетов, пометив ряды, на которых должны сидеть их люди. А я еще лишних билетов напечатал, несколько сотен... Когда зал был заполнен официально (остальные люди стояли в проходах, балконы были забиты, сидели на ступенях), то эти ряды оказались пустыми. Тогда мне все стало ясно. Мы попросили людей рассесться на свободные места, и, таким образом, зал был битком забит.

Кстати, когда я вынес вопрос моего выступления на совет, то совет меня не поддержал весь целиком, поддержали только отдельные личности, они до сих пор со мной идут в едином строю, а остальные сказали, что еще рано. Я им ответил: «Не рано! Еще Сергей Александрович, великий князь, написал, что уже поздно, и через три дня погиб от бомбы, которая была в него брошена, поэтому уже тогда было поздно, а сегодня нельзя говорить о том, что рано, надо делать!» Я еще предварительно кое по каким людям прошелся, нашим известным. Все испугались... Я им сказал: «Давайте, вы начинайте, а мы вас поддержим». Никто не захотел. Ну, я вижу, что ничего нет, никого нет, а время терять нельзя, все, – надо!

И вот, меня благословил за сценой покойный ныне отец Дионисий, я выхожу на сцену, даю материал, материал, материал... Все знают, что я буду читать «Протоколы»... Я дохожу до места, где мне надо читать, и не могу! Что-то происходит, какая-то волна идет из зала, вот, боюсь и все... Потому, что понимаю, жизнь моя коренным образом изменится... Надо учесть, что к тому времени у меня уже убили и жену, и мать, за мою позицию и за те дела, которые я делал, потому что в конце концов ничего тайным быть не может, рано или поздно что-то вскрывается, и они начинают мстить... Там еще был целый ряд причин, по которым хотели мне отомстить...

Тем не менее, когда я подхожу к тому месту, где надо читать «Протоколы сионских мудрецов», вот тут затычка... И тут ни с того, ни с сего включается в зале свет, на балконе с левой от меня стороны, в углу вдруг во весь рост встает отец Дионисий и размашистым крестом меня трижды крестит! И вот, даже на кассете при записи существует такой момент этой паузы.

И когда он меня окрестил, то пелена какая-то с меня спала, и я уж тут начал... Надо было видеть, как после этого вечера полторы тысячи человек, которые орал: «Браво! Браво!» Я услышал в зале слабый старческий голосочек: «Бра-аво! Бра-аво!» Я обратил внимание на пожилую женщину. И потом, после выступления она подошла ко мне. Ее вели под руки каких-то два молодых человека. Это оказалась бывшая фрейлина Озерова, племянница Нилуса, который и издал «Протоколы сионских мудрецов». Жила она в страшной бедности, но всю свою жизнь она потратила на изучение этого вопроса в Библиотеке им. Ленина. Блестяще владея французским языком, она переводила редчайшие книги по масонству и сионизму. Она-то и передала мне некоторые книги, которые усилили мои знания. Потом вскоре она умерла... Но тогда она сказала мне, что наконец-то дождалась того часа, как и было предсказано, что некий человек должен будет обнажить эту правду, и с этого коренным образом перевернется строй России. Я, естественно, не приписывал себе этого, но мне было приятно, потому что что-то, видимо, какой-то след я в этой истории оставил, что-то я сделал, что-то я всколыхнул...»

Под руководством Васильева и Андреева «Память» приобретает черты политической организации. Талантливый оратор Д. Васильев ездит со своими выступлениями по стране. В 1986 году помимо «Борьбы двух миров» распространяется магнитофонная запись вечеров «Памяти»: «Энергию мнений – в энергию действий» (16 марта 1986 года, ДК ОКСа), «Москва, как много в этом звуке»... (21 мая 1986 года, ДК «Динамо») и др.

«Надо было закреплять успех, надо было двигаться... Я увидел, что ничего страшного не произошло, остался жив, все нормально. И вот тут мы двинулись в атаку и провели 17 вечеров, на которых зачитали почти все «Протоколы», все записали на кассеты и, используя метод Хомейни, который в свое время сидел в Париже и там готовил свой приход к власти в Иране, посылая туда самолеты с кассетами, где были записаны его речи. То же самое и мы стали делать: мы записывали вечера на кассеты и рассылали их по всей стране. Мы продавали все, что у нас было, лишь бы купить чистые кассеты для размножения. Они тогда по тем ценам 8 рублей стоили. Мы брали блоки этих кассет, писали и рассылали по всей стране.

Это тоже дало свой всплеск, потому что народ сразу стал как-то немного шевелиться, стал понимать первопричины. Но, к несчастью, враг это тоже понимал, опережая народ на несколько шагов, девальвируя и нейтрализуя то, что делали мы. Но, тем не менее, мы продолжали свою деятельность», – отмечал Васильев.

На вечере в ДК «Динамо» 21 мая 1986 года Д. Васильев прочитал со сцены «Обращение патриотического объединения «Память» к русскому народу, ко всем народам нашей великой державы» – первый программный манифест «Памяти».

27 декабря 1986 года «Память» выступала в ДК «Октябрь» в Риге, где Д. Васильев зачитал еще один манифест «Новогоднее обращение патриотического объединения «Память». Для понимания позиций Васильева привожу документ без купюр:

«Новогоднее обращение к братьям и сестрам Латвии, ко всем народам Отчизны» о необходимости введения жесткого контроля за деятельностью руководящих работников патриотического объединения «Память».

В канун нового 1987 года патриотическое объединение «Память» вновь обращается к вашему сердцу, к вашему разуму, к вашему мужеству!

В эти минуты, часы, дни в стране обостряется революционная ситуация. Во всех звеньях государственного аппарата так называемые «бюрократы», прикрываясь лозунгами и словоблудием, пытаются заглушить голос правды, ошельмовать гласность, свернуть народ с истинного пути демократических Перемен, намеченных XXVII съездом КПСС.

В этой критической ситуации для нашего Отечества патриотическое объединение «Память» считает своим священным долгом еще раз вполне определенно и прямо назвать врагов перестройки своими именами. Широкая общественность должна знать, что под столь привычным ярлыком «бюрократа» многие десятилетия скрывается злобный лик агента меж-

дународного сионизма и масонства, выполняющего свою программу по захвату всемирной власти...

Только вдумайтесь в это, и вам станет ясна вся трагедия нашей долгой преступной бездеятельности перед столь грозным противником!

Как же действовать в создавшейся обстановке тем, кто многие годы был лишь пешкой в тайной игре посвященных?

Считайте, что в эти секунды мы приближаемся к великой истине.

Мы узнаем реального врага и его тайные планы! Но каков он, враг? Как распознать его звероподобный лик, часто скрытый за маской лояльности и доброжелательности? Назовем один из способов. Принуждайте к открытому общественному испытанию всех, кто претендует повелевать и быть глашатаем различных идей и нововведений.

Мы говорим, что народ и партия едины. Следовательно, народ, по праву большинства, и должен диктовать свой выбор вождей. Ибо народ всегда прав.

Именно широкое общественное мнение обязано применить жесткий контроль за деятельностью работников любого ранга, сбросив с них одежды непогрешимости, барства и чванства. Если государственный работник не вождь, не любимец народа – он не вправе руководить.

Такой первый общественный бой заурядности, прикрытой должностями и званиями, уже дан в Ленинграде ветеранами войны. Ветераны пошли в атаку на внутреннего врага! Они разбили в диспуте двух докторов наук, выявив их враждебную народу сущность. Старики-герои, стянув незажившие раны войны, пошли в атаку, потому что остальные трусят, боясь потерять мнимое благополучие. Потому что здоровые парни часами простаивают в очередях за водкой, показывая свое гражданское слабоумие на радость врагу!

Знайте! Враг тот, кто, брызжа слюной, доказывает, что история нашего государства для всех началась только с 17-го года, и сбрасывает со счетов многовековой исторический опыт нашего народа!

Враг тот, кто вопит об антисемитизме, славянофильстве, шовинизме, как только речь заходит о национальной культуре, истории, исконных традициях и обычаях народа!

Враг тот, кто злорадно стравливает верующих с неверующими, народ одной нации с другой, сея между ними рознь и подозрительность.

Враг тот, кто, используя интернационализм, протаскивает в образ жизни каждого народа, каждой нации космополитический бред и отбросы западной «культуры».

Только презирающие народ могут кормить такой гнилой идеологией! Враг тот, кто, кичась учеными званиями, навязывает народу антиприродные и античеловеческие теории и проекты, считая, что только он, специалист, знает, что есть истина, а что – ложь.

Враг тот, кто отрицает наличие сионизма и масонства в нашей стране, считая их подрывную деятельность досужей выдумкой.

Итак, теперь мы знаем истину! И вместо жалобщиков мы становимся борцами! Вспомним наших героических предков, и все колебания и сомнения в бою станут постыдными, недостойными звания человека!

Обретем единство под флагом нашей памяти! Пусть подвиги наших пращуров, заветы величайших умов Отечества, будут верным ориентиром в нашей бескомпромиссной борьбе! Кто бы ты ни был – академик или рабочий, генерал или крестьянин – Родина требует от тебя быть прежде всего ее патриотом и гражданином! В противном случае все твои дела бесплодны и вредны.

Наш лозунг в Перестройке: «Вышвырнем посредственность из всех звеньев управления государством!»

Кончайте работу со следствиями! Начнем сражение с главной причиной! Причина эта – сионизм в нашем Отечестве, в нашем доме! Свергайте сионистов и их прислужников со всех занимаемых ими постов!»

Воинственная риторика Дмитрия Васильева была обусловлена тем фактом, что «Память» перешла в наступление. По его мнению, насыщение знаниями, безусловно, полезно, но пора создавать и мощную структуру, которая смогла бы противостоять историческим вызовам. В том числе и так называемой «перестройке».

Известность «Памяти» выходит далеко за пределы Москвы. Еще в 1985 году патриотическое крыло трезвеннического движения в Новосибирском Академгородке создало добровольное общество «Трезвость» (ДОТ). В начале 1986 года ДОТ преобразуется в историко-патриотическое объединение «Память» (И. Николаев, И. Богащенко, Ю. Мерзляков, В. Жданов, Б. Гаврилко, А. Казанцев и др.).

Новосибирское ИПО «Память» объявило о своем существовании 16 февраля 1986 года на праздновании 800-летия «Слова о полку Игореве». 13 марта 1986 года ИПО «Память» было официально зарегистрировано как любительское объединение по интересам при Доме культуры «Академия» (на основании положения 1985 года о любительских объединениях).

В 1986 году на вечерах «Памяти» подвергается критике проект переброски стока северных рек на юг, в результате чего должна была произойти гибель тысяч русских деревень и памятников культуры. На вечере «Красота Русского Севера» в ДК им. Горбунова, на вечере в Центральном доме художника русские патриоты разоблачали виновников чудовищного проекта «переброски рек».

В 1986–1987 годах «Память» приняла активное участие в обсуждении проекта монумента Победы на Поклонной горе, выступая против официального проекта памятника и за проект «номер 206», автором которого был Вячеслав Михайлович Клыков.

В 1986 году сложилось отделение «Памяти» в Ленинграде (художники Н. Ширяев и Н. Жербин, майор внутренних войск В. Ежов, Н. Лысенко, В. Антонов, Ю. Риверов, Р. Гамадеев и др.).

Тогда же в Свердловске образовалось историко-культурное объединение «Отечество» (Ю. Липатников, Б. и М. Пинаевы, И. Чариков).

В начале 1987 года образуется отделение московской «Памяти» в Риге. В 1987 году в Челябинске по инициативе местного поэта Г. Суздалева возникает патриотическое объединение «Родина», в Магнитогорске – «Встречное движение» во главе с Валерием Тимофеевым, в Тюмени – «Отечество» А. Репетова и А. Зверева, в Тобольске – еще одно «Отечество», в Иркутске – патриотическое объединение «Верность» А. Турика и А. Панова.

Но Дмитрий Дмитриевич не спешит бросаться на политическую передовую. Нужно отделять зерна от плевел.

«Когда мы вначале как рванули вперед, – вспоминает Васильев, – подумав, что силы пойдут, появятся какие-то лидеры, и мы займемся своими делами. Рванули, а за нами никого, ни сбоку, ни сзади, – что же делать? Я же вижу, что боковым фланговым ударом враг начинает меня окружать и, замкнув кольцо, может нас уничтожить. Вот тут-то я и остановился, отошел назад и дал возможность пролететь вперед всем политическим лидерам и партиям. Чтобы посмотреть, а кто пролетит, а что получится из того, что мы сделали! И мы увидели: куча платных вождяков, наймитов, провокаторов...

Скажите пожалуйста, можно ли назвать здоровыми людей, которые создают христианско-демократические партии? Я что, должен ходить на партийные собрания или в церковь? Или какие-то сектанты, которые сегодня в изобилии, говорят нам о нравственных принципах жизни и зовут нас к каким-то небывалым высотам... Разве можно назвать государство или нацию здоровой тогда, когда в ней появляются сто монархических партий?! Это – тоже аномалия! – Партия может быть одна. Но монархия не бывает партийной, она бывает только православной!

И возникает вопрос, и мне его часто задают:

– А кто же будет царь? Неужто вы метите в цари?

На что я отвечаю:

– Подобного рода вопросы вы мне не смеете задавать только по одной простой причине, что, задавая такой вопрос, вы даже не представляете, о чем вы меня спрашиваете. Потому что если бы вы знали, что такое «царь», то никогда не задали мне вопрос, буду ли я царем! Ибо на Руси никогда царь не выбирался, а он всегда призывался. Но что такое «царь призывался»? Это тоже надо разобрать... Вот чем занимается «Память»!»

Видя опасность нарастающего влияния «Памяти», «прорабы перестройки» во главе с Александром Яковлевым начали открытую травлю общества патриотов. Многих руководителей объединения выгнали с работы, партийных исключили из партии. По указке Яковлева начиная со статьи Е. Лосото «В беспамятстве», опубликованной в «Комсомольской правде», в советской прессе начинается клеветническая кампания против «Памяти». Ее подхватывает русофобская, сионистская печать на Западе. Европарламент принял обращение к руководству СССР с требованием запретить деятельность общества «Память». Единственным членом Европарламента, проголосовавшим против этого обращения, был вожь французских патриотов Жан-Мари Лепен. Так деятельность «Памяти» приобрела международный резонанс.

Таким образом, из кружка по интересам «Память» становится организацией политической и переименовывается во фронт. «Любители истории» один за другим начинают надевать черные рубашки. Видя опасность пробуждения русского национального самосознания, руководство КГБ по заданию тогдашнего главного партийного идеолога и «прораба перестройки» А. Н. Яковлева стало готовить разгром «Памяти» путем ареста двухсот самых активных ее деятелей. Чтобы не допустить этого, 6 мая 1987 года на Манежной площади «Память» провела первую в СССР политическую демонстрацию. По понятным причинам она была несанкционированной. Ее участники потребовали встречи с Горбачевым или Ельциным. Горбачев такой встречи испугался, а Борис Николаевич Ельцин, в то время руководитель Московского горкома КПСС, согласился и встретился с участниками выступления в Мраморном зале Моссовета. Но мы забежали вперед. Сейчас необходимо обратиться к фигуре самого воеводы – Дмитрия Дмитриевича.

Глава 2. Дмитрий Васильев. Воевода

Дмитрий Дмитриевич родился 30 мая 1945 года в городе Вятка (в то время носившем название Киров), потому как его мать, Татьяна Дмитриевна, во время войны была эвакуирована из Москвы. Она работала заведующей детским комбинатом одного из «почтовых ящиков». Был такой 47-й «почтовый ящик».

В этой связи сам Дмитрий Дмитриевич вспоминал ее рассказ, как происходила эта эвакуация. Когда состав, груженный детьми, выдвинули на пути, начался налет немецкой авиации. И все руководство, включая родителей этих детей, побежали в убежище. На путях остался состав, осталась мама Васильева, которая бегала от вагона к вагону и молила Бога, чтобы Он спас детей. И, странное дело, знали, видимо, что бомбили, ведь это был «почтовый ящик», бомбы довольно точно ложились, а вот в вагоны летели только осколки. Самая большая жертва была, когда его сестра упала с верхней полки вагона в ведро с водой. Все остальное обошлось. Мама, таким образом, всех спасла, как считал Дмитрий Дмитриевич, обращаясь к Богу. И благополучно они выехали в Вятку, где она и продолжала работать. Там она познакомилась с будущим отцом Васильева.

Его настоящее имя Дмитрий Федорович Бурцев. Бурцевы происходят от древнего русского рода князей Мещерских. Его дед по линии матери – Дмитрий Тараторенков, казачий атаман станицы Романовской под Царицином – был поднят большевиками на штыки.

От Советов же пострадала и вся родня по отцовской линии. В некоторых интервью Васильев утверждает, что он дворянин. Известный певец и член «Памяти» Игорь Тальков во время одного из вечеров называл Васильева боярином, васильевские адъютанты именовали его превосходительством, в одной из газетных заметок промелькнуло сообщение, что Васильев является претендентом на престол...

В 1946 году началось возвращение из эвакуации. Мать Васильева с детским садом вернулась домой, и с этого времени они уже постоянно проживали в Москве, по адресу, где позднее будет находиться штаб «Памяти»: ул. Валовая, дом номер 32, кв. 4. Это была бывшая квартира очень известного старинного русского рода Курбатовых. Полковник Курбатов охранял верхние подступы к Москве. В районе Пятницкой улицы есть Маратовский переулок, а раньше он был Курбатовский. И до сих пор там сохранилось их домовладение, только оно изуродовано за советский период и переустроено. Потом эта семья немного подразорилась. Их отец был сподвижником доктора Боткина, которого потом расстреляли вместе с царской семьей. Известный очень был хирург, терапевт. Знаменитая Боткинская больница названа в его честь. И воспитал огромную семью: это и Наталья Ивановна Курбатова, и Христина Ивановна Курбатова.

Наталья Ивановна Курбатова окончила Строгановское императорское училище, была великолепной художницей, давала маленькому Диме уроки живописи. Христина Ивановна Курбатова была классной дамой гимназии, в совершенстве владела тремя языками, великолепно знала словесность, историю, географию и занималась Диминим воспитанием. Дмитрий Иванович Курбатов – строитель Новоспасского моста, первого, открытого в СССР. Он же потом и пострадал. Его спас Бонч-Бруевич, который бывал в квартире на Валовой, как и Стасова. Были они не как друзья, а как ценители таланта Дмитрия Ивановича Курбатова. Они его и спасли практически от репрессий.

В этой же квартире жил Николай Павлович Анциферов – дядя Коля, как его ласково называл Васильев. Автор книг «Душа Петербурга», «Из жизни городов» и других, 27 лет отсидевший в концлагерях за происхождение, за свою позицию. Именно он привил Дмитрию Дмитриевичу любовь к русской литературе.

«Мне в жизни повезло, – рассказывал Дмитрий Дмитриевич, – меня воспитывали Курбатовы, очень известный дворянский род. Они, очевидно, знали историю моего происхожде-

ния, дали мне прекрасное образование, поэтому я получил больше, чем человек, окончивший, скажем, три советских вуза. Меня учили чести, вере, любви к Родине...»

Так что Курбатовы сыграли большую роль в становлении Дмитрия Дмитриевича Васильева как будущего патриарха русского фашизма. Среди их родственников были такие известные фамилии, как Богдановы, Беры, Кипарисовы. Они не принимали советскую власть, но и не уехали из России. Да и сам домовладелец Черенков (он его и построил) тоже не уезжал. Заканчивал свой век управдомом, живя во втором номере этого же дома, и там же умер, хотя почти вся родня уехала. Позднее к Васильеву в организацию пришел внук того самого Черенкова.

Когда Христина Ивановна умирала, она сказала Васильеву: «Как бы я хотела, чтобы вся эта квартира принадлежала тебе!» Сам он вспоминает, что тогда не придавал значения этим словам, потому как в тот момент в квартире проживало 30 человек, а сама она занимала всего одну комнату. Большую комнату перегородили пополам: 10 метров – ей, 10 – Наталье Ивановне. А все остальные Курбатовы разъехались.

Впоследствии слова ее сбылись – Дмитрий Дмитриевич стал единственным владельцем квартиры на Вальной, где располагался и штаб фронта, и редакция газеты, и даже радиостанция «Отечество, память и ты».

Бабушка Анна Григорьевна Самсонова тоже была интересным человеком. В своей крестьянской семье она была тринадцатой. Воспитывалась в приюте купца и театрального деятеля Бахрушина, получила там образование, профессию портнихи. После этого Анна Григорьевна работала у помещика Храповицкого в имении. Как отмечает Васильев, сам помещик никогда в России не жил, он, в основном, жил в Англии, известный масон, а здесь у него был управляющий – немец Герли. И вот его бабушка была экономкой в этом поместье. Оттуда она пошла на курсы, против чего Герли страшно возражал, потому что это были модные тогда революционные курсы. В 1919 году она вступила в партию. Как-то у нее партия с верой в Бога сочеталась. Все там было достаточно сложно.

Она, в основном, работала по беспризорникам в Наркомпросе. Рассказывала, как, спасая Кашенко, ездила с Крупской в Горки, видела Ленина уже обезумевшим. И была страшно удивлена, как его там охраняют. Никакой свободы у него не было. У Крупской три раза мандат проверяли, у нее три раза мандат проверяли. Но все-таки она спасла Кашенко.

Анна Григорьевна была спартанских правил. Воспитанная немцами, она была очень бережливой, экономной и строгой.

«Мы два раза в неделю по постным дням ели черный хлеб с луком и постным маслом и больше ничего не ели. А здесь у нас была печь (во всех комнатах сохранились, а в этой не сохранилась, только угол остался; это сделано было для увеличения жилой площади, в этой комнате нас жило восемь человек, и поэтому, чтобы как-то лишние квадратные метры освободить, пришлось ее разобрать, о чем я сейчас, конечно, жалею), – и вот ее натопишь, а бабушка все окна и форточки откроет... У нас считалось нормальной температурой в комнате где-то 13–14 градусов. И я бабушке предельно благодарен за это, потому что я обожаю холод, а жары у нас хоть отбавляй. Я не боюсь холода, поэтому, когда все ходят и жмутся, я, наоборот, радуюсь и бодро себя чувствую», – вспоминает Васильев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.